

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКОГО ОБРЯДА И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939)

Свирид А.Н.

*к.и.н., доцент кафедры истории культуры
УО «БрГУ им. А.С. Пушкина»*

В 1921 г. по условиям Рижского мирного договора территории Западной Беларуси вошли в состав II Речи Посполитой. На этой территории польское государство стало проводить политику, направленную на ополячивание и окатоличивание местного населения. Со своей стороны, на присоединённых землях католическая церковь с середины 20-х годов XX века развернула проповедь католицизма в форме византийско-славянского обряда.

Следует отметить, изменение официальной позиции католической церкви по отношению к православию произошло уже с начала XX века. Это проявилось прежде всего в изменении тона в официальных документах. Уже в своей программной энциклике «*Ubi arcano Dej*» от 23 декабря 1923 г. Пий XI декларировал, что католическая церковь не делает различий между народами, готова всем оказать как можно большую поддержку. Указывая пути достижения объединения христианских церквей, папа утверждал, что католическая церковь отошла от прежней практики, которая в эпоху средневековья не дала положительных результатов, как это было, например, после заключения Брестской 1596 г. унии. Католическая печать стала именовать Пия XI «Папой Востока» или папой церковного объединения. Римский первосвященник стал избегать привычных в устах прежних пап слов «схизматик», «вероотступник» и т.д. Имея в виду православие, он называл его «церковью отлучённой», «наши заблудшие братья» и т.п. Даже в пропагандистской литературе, рассчитанной на массового читателя, православных перестали называть «проклятыми схизматиками», а стали называть «наши отлучённые братья», «братья православные». Обращаясь к профессорам и слушателям Папского восточного института в марте 1927 г., Пий XI заметил: «Ни для кого в мире не является секретом, что наше отеческое сердце обращается к Востоку, желая обнять тот огромный и необъятный Восток, дабы приблизить к себе его множество душ...» [16, л.76–77]. Когда в Советском государстве начались гонения на православную церковь, папа римский выступил с призывами в её защиту [15, с.168].

В течение всего рассматриваемого периода в деятельности католической церкви проявлялось стремление заключить с православной церковью акт о соединении по примеру Брестской унии. В июле 1938 г. Пинский римо-католический епископ Букарба в форме изданного типографским способом тиражом в 200 экземпляров мемориала «*Pro metoria sprawie unijnej*», высказался за унию, заключённую сверху, то есть через иерархию православной церкви [1, л.8].

Но в любом случае, православная церковь была для католической церкви конкурентом во влиянии на население Западной Беларуси. Замысел церковной унии по-прежнему включал в себя те же задачи, которые решали создатели Брестской унии: вовлечение многомиллионного православного населения в лоно католической церкви [16, л.76–77]. Поэтому,

в реальной жизни между православными и униатами начались столкновения, в некоторых случаях принимающие весьма острую форму. Главной причиной столкновений были вопросы, связанные с владением церковным имуществом (прежде всего культовыми зданиями и землёй), принадлежавшим до начала пропаганды византийско-славянского обряда православной церкви.

Католическое духовенство византийско-славянского обряда старалось вести пропаганду византийско-славянского обряда в местностях, где у населения были какие-либо претензии к местному православному священнику, например, как связанные с арендой церковной земли. Вацлав Оношко в селе Оздамичи, обращаясь к местному населению говорил, что церковную землю оно могло бы распарцеллировать между безземельными и малоземельными. В Оздамичах шла земельная реформа, и жители разделились на три враждующих группы. Расчёт был верным: такие заявления не могли оставить сельское население равнодушным [9, л. 4, 4об.].

В проповедях духовенство византийско-славянского обряда должно было обрисовывать преимущества их вероисповедания перед православной церковью, что обычно делалось в сочетании с указанием на недостатки последней. Так, в проповедях некоторые католические священники называли православие «кривославием».

Активно распространялась униатами литература миссионерского характера, особенно часто в праздничные и базарные дни [8, л. 33]. Некоторые католические приходы византийско-славянского обряда, например, в селе Таракане Кобринского повета Полесского воеводства содержали библиотеки, которыми пользовались как взрослые, так и дети. Для склонения населения в униатство светские власти закрывали церковь и не согласились на назначение православного священника, таким образом, фактически ликвидировали приход. Когда прошения православной иерархии и верующих не давали результата, то появлялся униатский священник, который говорил верующим, что стоит только написать прошение римско-католическому епископу, и церковь будет открыта, и восстановлен приход. Если верующие писали прошение на имя римско-католического епископа, то, в большинстве случаев, церковь действительно открывалась.

Так, с одной стороны постоянно заявляя о своём уважении и любви к православной церкви, католическая церковь византийско-славянского обряда в условиях конкуренции различными путями старалась привлечь на свою сторону верующих православной церкви.

Православная церковь ответила на деятельность католической церкви активизацией миссионерской работы. Ситуация для православной церкви осложнялась и тем, что миссионеры католической церкви византийско-славянского обряда пытались создать видимость, что новое вероисповедание ничем не отличается от православия, за исключением главенства папы [3, л. 263]. В ряде случаев православные верующие не знали о том, что приехавший к ним священник, «назвавшийся православным, признающим папу» или «истинным православным», являлся католическим священнослужителем. Согласно донесению Коссовского старосты Полесскому воеводе от 12 июня 1934 г., православное население не всегда сознавало различия между православием и католичеством византийско-славянского обряда [2, л. 12]. Когда православные узнавали реальное положение вещей, то в некоторых случаях возвращались в православие. Имели место случаи перехода православных священников в католичество византийско-славянского обряда.

В апреле 1926 г. согласно указу Полесской духовной консистории обязанностью благочинных являлось «разъяснить духовенству, что священники восточного обряда отступники от Православной церкви..., лишены сана и отлучены от Святой Церкви, общение с ними губительно и греховно, все таинства являются незаконными и безблагодатным» [4, л. 35].

Согласно указу Полесской духовной консистории от 19 апреля 1926 г. «...бывший священник Тороканского прихода Евгений Ружицкий бежал в 1924 г. от епархиального и гражданского суда за границу и появился на территории Полесской епархии в 1925 г. уже в качестве католического священника восточного обряда...лишён сана, вероотступник, предан анафеме...» [7, л.10]

Католические священники византийско-славянского обряда как вероотступники не допускались в православные храмы. Православные священнослужители не имели права общаться с ними в частной жизни. Обращение православных прихожан к католическим священникам византийско-славянского обряда для совершения треб расценивалось районными и епархиальными комитетами «как неуступчивость в вопросе вознаграждения» [6, л.69]. Православные священники, виновные в таких ситуациях, наказывались как «враги церкви и разрушители миссионерской работы» [6, л.68].

1929 г. был особенно сложным для Полесской епархии, так как летом римско-католические власти предъявили в Окружных судах 724 иска об изъятии у православно-го населения и духовенства храмов и церковного имущества. К Волынской Православной духовной консистории было предъявлено 144 иска, к Виленской – 71, к Гродненской – 159, к Полесской – 248. Таким образом, в наибольшей опасности оказалась Полесская епархия. в которой всего было 320 приходов [14, с.34]. Ревиндикация представляла массовое и не всегда достаточно обоснованное закрытие православных храмов, разрушение или освящение их в католические костёлы [11, с.10]. Польское правительство и католическая церковь под ревиндикацией понимали возвращение церковного имущества её первоначальному владельцу. Следует отметить, что конкордат от 1927 г. между польским правительством и Римским Папой закреплял доминирующее положение римско-католической церкви [12, с.283].

Иерархии православной церкви понимали, что для противостояния влиянию унии, в которой видели в то время наибольшую опасность, необходимо совершенствование всех сторон жизни. Все постановления от 10 октября 1929 г. Полесского православного епархиального миссионерского комитета касались борьбы с пропагандой унии во всех её проявлениях. Через районные миссионерские комитеты духовенству следовало напомнить, что «нежелание заниматься самообразованием и неуступчивость может стать причиной исключения из состава духовенства» [5, л.73]. Сельское духовенство должно было обращать особое внимание на приписные церкви и часовни, а также заботиться о своевременном ремонте храмов. Обязанностью городского духовенства стало проведение публичных лекций религиозно-нравственного содержания. Районные миссионерские власти должны были представить епархиальным властям список членов причта, виновных во взимании чрезмерной платы за требы для наложения соответствующих взысканий [5, л.73об].

Активизация миссионерской деятельности православной церкви постепенно стала давать результат. В 1932 г. Полесский епархиальный миссионерский комитет сообщил в Синодальный миссионерский комитет, что осенью «... в Кобрине и Бресте и в некоторых других местах в базарные дни появлялись какие-то неизвестные личности, которые восхваляли унию и порядки, существующие в среде её последователей» [10, л.20]. Сообщалось также, что подобные действия не приносили ожидаемого результата.

Полесский епископ Александр в отчёте митрополиту «О состоянии православной миссии» за 1933 г. писал, что «униаты, потеряв надежду среди взрослых на успех, обратили внимание на детей, которым делают разные подарки, угощают конфетами и т.д.»

[10, л.75]. Священник Зенон Каленюк в марте 1933 г. обратил в неоунию тринадцатилетнего мальчика Василия Букато и девятилетнюю девочку Марию Лемешевскую [10, л.47]. На Рождество в 1933 г. в селе Таракане Кобринского повета Полесского воеводства для детей была устроена ёлка с подарками, на которой присутствовали и православные дети с родителями.

Благодаря активной деятельности православных миссионеров, попытки открытия новых приходов католического духовенства византийско-славянского обряда не увенчались успехом.

Обострение отношений между православными и католиками на почве пропаганды восточно-византийского обряда и тот беспорядок, который вносило это противостояние в приходскую православную жизнь, создало благоприятную почву для общего религиозного упадка, расширения пропаганды атеизма и сектантства. Это стало беспокоить и католиков. Представители восточно-византийского обряда решили предложить создание общего фронта для борьбы с враждебной религии пропагандой. Иезуит Я. Урбан выступил со статьёй «Во имя общей задачи», указывая на ту общую почву, на которой могут и должны работать католики и православные. Газета «Слово» также заговорила об установлении некоего «пакта» между исповеданиями, но основным условием считало прекращение прозелитизма принятыми методами [13, с.259]. Однако эти усилия не дали результатов.

Таким образом, в течение всего рассматриваемого периода отношения между православной церковью и католической церковью византийско-славянского обряда были напряжёнными. Сведений о каких-либо попытках диалога в процессе исследования обнаружить не удалось.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2019. Доклад референта Тадеуша Каменнобродского о состоянии религии на территории Полесского воеводства (1939 г.).
2. ГАБО. – Фонд. 1. – Оп. 3. – Д. 1278. Дело об установлении границ земли, принадлежащей Острометчевской церкви Сарненского повета.
3. ГАБО. – Фонд. 1. – Оп. 10. – Д. 263. Заявления организаторов и переписка с воеводским управлением, поветовыми старостами о регистрации и составе правления общественных организаций.
4. ГАБО. – Фонд. 2059. – Оп. 1. – Д. 2. Указы Полесской духовной консистории за 1926 г.
5. ГАБО. – Фонд. 2059. – Оп. 1. – Д. 5. Циркуляры Полесской духовной консистории за 1929 г.
6. ГАБО. – Фонд. 2059. – Оп. 1. – Д. 8. Циркуляры Полесской духовной консистории за 1932 г.
7. ГАБО. – Фонд. 2059. – Оп. 1. – Д. 23. Указы Синода польской Автокефальной Православной Церкви и Полесской духовной консистории за 1925–1933 гг.
8. ГАБО. – Фонд. 2059. – Оп. 1. – Д. 24. Указы Полесской духовной консистории и епархиального миссионерского комитета за 1930 г.
9. ГАБО. – Фонд. 2059. – Оп. 1.— Д. 82. Переписка со священниками о борьбе с распространением униатства и сектантства за 1931 г.
10. ГАБО. – Фонд. 2059. – Оп. 1. – Д. 83. Переписка с Синодальным миссионерским комитетом о борьбе с распространением униатства за 1933–1935 гг.

11. Костюк, В. История Полесской епархии (1922–1944 гг.) / Иеродиакон Василий Костюк. – Брест: Брестская областная типография, 1999. – 149 с.

12. Мудрачэнка, Г.А. Рэвіндыкацыя / Г.А. Мудрачэнка // Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед. / Склад. Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭН, 2001.

13. Николаев, К.Н. Восточный обряд. Дорога Рима в Россию (Рим – Польша – Россия) / К.Н. Николаев. – Париж: Утса-press, 1950.

14. Свитич, А.К. Православная Церковь в Польше и её Автокефалия / А.К. Свитич // Материалы по истории Церкви. – Кн. 14. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX ст. / Под ред. В. Чаплина, В. Поспеловского, В. Беркена [и др.]. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997.

15. Станкевич, Ад. Хрысціянства і беларускі народ (спроба сынтэзы) / Ад. Станкевич. – Вільня: Бел. друк. ім. Фр. Скарыны, 1940.

16. Фёдоров И. О. Униатская политика Ватикана в Западной Беларуси в довоенные годы (1919–1939). Дисс. ... канд. ист. наук – 07.00.02. – Гродно: Гродненский государственный университет, 1985.

POLSKA A BIAŁORUŚ: WSPÓLNE I ZRÓŻNICOWANE W STOSÓNKACH PAŃSTWOWO-WYZNANIOWYCH

Лисовская Т.В.

*к.и.н., доцент кафедры
СПиИИ УО «БрГТУ»*

Okres jaki minął od rozpadu Związku Radzieckiego, można podzielić na dwie fazy. W pierwszej – Białoruś jako i Polska uchwaliли демократyczne prawo wyznaniowe, był sformowany nowy system relacji państwa i organizacji religijnych, odbyło się przekształcenie systemu separacji sowieckiej w system separacji skoordynowanej. Zasadniczego przełomu w kształtowaniu sytuacji prawnej kościołów i związków religijnych Rzeczypospolitej Polskiej dokonały ustawy z 17 maja 1989 roku, uchwalone jeszcze przez Sejm PRL o stosunku Państwa do Kościoła Katolickiego, o gwarancjach wolności sumienia i wyznania, o ubezpieczeniu społecznym duchownych (oraz nowelizacja ustawy o gwarancjach wolności sumienia i wyznania w 1997 r, dotycząca wpisu do rejestru kościołów i innych związków wyznaniowych) [8, c.36]. Ustawą ramową w białoruskim ustawodawstwie wyznaniowym na początku lat 90-ch, była ustawa o wolności wyznaniowej i związkach religijnych [4, c.52–53]. Zgodnie z owymi ustawami wprowadzającymi nowy system relacji państwa i związków wyznaniowych w Polsce i na Białorusi, główne cechy nowego systemu polegają na:

- poszerzeniu podmiotowego zakresu wolności wyznaniowej w wymiarze indywidualnym;
- poszanowaniu zasady autonomii organizacji religijnych;
- równouprawnieniu wszystkich Kościołów i innych związków wyznaniowych, bez względu na formę uregulowania ich sytuacji prawnej;
- swobodnym wypełnianiu przez związki wyznaniowe funkcji religijnych;
- nadaniu związkom wyznaniowym osobowości prawnej;